

СЕРГЕЙ МАКИН

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА НА ОЗЕРЕ ДУШИ

Из рода лебеда

Всем известна сказка: налетели гуси-лебеди, схватили мальчика и унесли его в избушку Бабы-Яги, которая попыталась посадить ребёнка в печь. Тот, кто видит всё в чёрном свете, найдёт здесь лишь компромат на лебедей. Но образованный человек сделает другой вывод.

В те далёкие времена, когда человек ещё не отделял себя от окружающей его природы, он выбирал из мира зверей и птиц того, кто приходился ему по душе, и нарекал своим предком – тотемом. Каждый первобытный род имел своего тотема-прародителя.

Люди, одетые в белые одежды, ведут юношу к лесной избушке. Там ему предстоит пройти через магические обряды, в том числе испытание огнём. Только проявив выдержку и стойкость, он сможет стать полноправным сородичем. Спустя тысячелетия учёные назовут это инициацией – посвящением во взрослые. Понять доисторические обряды им помогут обычаи затерянных в лесных дебрях племён Африки, Америки, Австралии и европейские, в том числе русские, волшебные сказки. Оказалось, что сказки эти имеют исторические корни, а Иван-царевич и Василиса Премудрая, царевна Несмеяна, Баба-Яга и гуси-лебеди жили не только в воображении сказителей. Баба-Яга – хозяйка леса, жрица рода, первобытная колдунья, хранительница древних, порой ужасных тайн. Гуси-лебеди – её ассистенты, одетые птицами.

При инициации надевали одежды тотема. Значит, далекие предки если не всех, то многих русских считали, что происходят от лебедей. Светлыми, как лебяжье перья, были души тех, кто возводил свой род к птице, являющейся символом красоты, любви, верности, благородства. Вот откуда культ лебедей на Руси, обилие лебединых песен и фамилий!

Якуты и часть бурятов тоже вели свою легендарную родословную от лебединой девы. Лебедь был в чести и у варягов-скандинавов. В сказках Андерсена “Гадкий утёнок”, “Дикие лебеди”, “Дочь болотного царя” образы прекрасных птиц возникают ещё и потому, что маленький лебедь находится на гербе Дании. От Древней Греции до средневековой Германии эта птица считалась священной. Зевс предстал перед Ледой в облике лебедя. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона читаем: “Лебединые девы – в северной мифологии обозначение валькирий, владеющих способностью принимать вид лебедей. И в немецких народных преданиях они часто являются у рек и прудов, снимают с себя лебединую одежду и купаются в прохладной воде. Кто лишит их одежды, под власть того они поддадут”.

Так уж устроены люди, что, принимая новое, они склонны очернять старое. В старину, после перехода к новой обрядности, гуси-лебеди – хранители традиций рода – превратились в похитителей детей. В наше время история повторилась: после того как белые лебеди были показаны по телевидению во время пресловутого “путча”, их занесли в чёрный список.

Сюжет балета “Лебединое озеро” германский. Но в нём угадываются русские архетипы – знакомый с детства треугольник “Иван-царевич – Василиса Премудрая – Кашей Бессмертный”. Арбалет, с которым принц приходит к озеру, родственен луку, стрела из которого приводит царевича на болото, где его ждёт заколдованная невеста. Своим поступком Зигфрид подводит Одетту, как герой сказки “Царевна-лягушка”. И так же, как русский собрат, старается исправить свою ошибку. Борьба принца со Злым гением заставляет вспомнить слова Царевны Лебеди из сказки Пушкина:

*Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.*

В “Озере” при германском антураже – русский менталитет. Тоска по идеалу и одновременно духовная слепота – готовность принять чёрное за белое. И прозрение, и покаяние, и схватка со злом, и победа добра: то, что не раз происходило в отечественной истории.

Как в воду глядели

В опере Мусоргского “Хованщина” есть поразительная сцена гадания Марфы. Глядя в воду, она вопрошает:

*Души утопшие, души погибшие,
Тайны познавшие мира подводного...
Здесь ли вы?!
Страхом томимому князю-боярину
Тайну судьбы его в мраке сокрытую
Откроете ль?!*

А какие тайны могут открыться, если пристально взглядеться в “Лебединое озеро”?

Принц Зигфрид отмечает своё совершеннолетие. Он уже считает себя взрослым: готов пить (танец с кубками), стрелять (мама дарит сыну арбалет), убивать (а что он собирается делать, идя на охоту?). В записи спектакля Кировского театра 1986 года охотники выносят на сцену белую тушку с безжизненно свисающей шеей. Не разглядишь: может, это белая лань. Но по идее, это должен, обязан быть убитый лебедь. Не стоит обольщаться феодальной роскошью: перед нами мир рафинированных убийц. Однако то, что принца воспитала мать, подготовило его к мысли о превосходстве женственности над ложно понимаемой мужественностью, любви над убийством. А наставник, протягивающий ученику книгу и указывающий пальцем вверх, подвёл его к идее, что существует высший мир.

На озере юноша встречает девушку-лебедя и поражён её красотой. Имя Одетта из той же серии, что Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта, Жоржетта. Если Жанетта – “маленькая Жанна”, то Одетта – “маленькая Ода”. Действие “Лебединого озера” происходит в условной Германии, и невольно вспоминается Александр Блок: “Нам внятно всё – и острый галльский смысл, // И сумрачный германский гений”.

Если Одетта – дочь Галлии, француженка, то олицетворение сумрачного германского духа – Ротбарт, Злой гений. Поскольку принц (а в его лице российский зритель, невольно ассоциирующий себя с главным героем) отдаёт предпочтение Одетте, а не Одиллии (по либретто, дочери Ротбарта), получается, что Чайковский предвосхитил отказ России от многолетнего, ещё с наполеоновских войн, союза с немцами и переход к альянсу с галлами – французами. Гипотеза любопытная, только вряд ли верная: композитор сочинял

“Озеро” в 1875–1876 годах и при всей своей гениальности едва ли мог предвидеть франко-русский союз, заключённый Александром III в 1894-м. Хотя к авторам балета так и просится выражение “как в воду глядели”. *Rotbart* – прозвище германского императора Фридриха I Гогенштауфена, более известного как Барбаросса (*rotbart* по-немецки – то же, что *barba rossa* по-итальянски: “рыжебородый”), в честь которого и был назван план нападения нацистской Германии на СССР. Премьера “Лебединого озера” в Мариинском театре состоялась 27 января (15-го по старому стилю) 1895 года. 27 января 1944-го, день в день, с Ленинграда была полностью снята блокада. Кто-то усмехнётся: “Тоже мне, мистика балетная”. Зато человек с поэтическим мышлением подумает, что “Озеро” оказалось сродни магическому кристаллу.

А человек с научным мышлением задумается: “Откуда на озере столько девушек? Их заколдовал Злой гений? Поодиночке или всех сразу, включая четырёх девочек, исполняющих “Танец маленьких лебедей”? Логичнее предположить, что это мифологические персонажи, античные богини: одна высоко-го ранга, другие рангом ниже – нимфы.

Спасение утопающих – дело балетмейстера

В Злом гении Чайковский видел рок, фатум, тема которого проходит красной (скорее, чёрной) линией через всё его творчество. 16 июля 1880 года композитор рассказывал Надежде Филаретовне фон Мекк о “Кармен” Жоржа Бизе: “И что за чудный сюжет оперы! Я не могу без слёз играть последнюю сцену. С одной стороны, народное ликование и грубое веселье толпы, смотрящей на бой быков, с другой стороны, страшная трагедия и смерть двух главных действующих лиц, которых злой рок, *fatum*, столкнул и через целый ряд страданий привёл к неизбежному концу”.

Чайковского вообще тянуло к трагическим историям. Полны мрака симфоническая фантазия “Франческа да Римини” и симфония “Манфред”; главные герои погибают в опере “Орлеанская дева” и увертюре-фантазии “Ромео и Джульетта”; убит Ленский, “позор, тоска” ждёт Евгения Онегина. Уместе с братом Модестом, автором либретто “Пиковой дамы”, Пётр Ильич умертвил Лизу и Германа (у Пушкина они остаются в живых). Последней оперой композитора стала светлая “Иоланта”, но завершил своё творчество Чайковский 6-й симфонией, наполненной мрачным величием и предчувствием смерти.

В первом, московском “Озере” 1877 года, главные герои тонули. Автором либретто для петербургской постановки 1895 года стал тот же Модест Ильич. В его сценарии герои бросались в воду: опять печальная концовка. И тут мнорность Чайковского столкнулась с мажорностью Петипа, который отказался от печального финала: прежде всего, из-за своего мироощущения. Великий хореограф был не только добрый гений русского балета, но и просто добрый человек. В 1899 году Петипа писал Пьерине Леньяни, первой исполнительнице партии Одетты-Одиллии в постановке Мариинского театра:

“Трижды меня объявляли мёртвым, а я чувствую себя всё лучше и лучше; как Вы справедливо пишете, это приносит счастье. Первый раз я упал в Неву. Одна газета (чтобы заработать побольше денег) сообщила приятную для балетмейстеров новость, что я утонул, но так как плаваю я, как рыба, я выплыл (промокнув насквозь), чтобы доставить удовольствие своим добрым товарищам. Второй раз это было во время пожара, в котором мне посчастливилось спасти двух детей, а затем скрыться, чтобы не ждать благодарности родителей. На следующий день появилась статья, в которой сообщалось, что я погиб в пламени. Однако через два дня я играл роль Фауста в большом балете г-на Перро, и там меня действительно охватил священный огонь”.

Живя в России, балетмейстер регулярно ездил на родину. Во Франции он был награждён медалью “За спасение утопающих”. Видимо, тогда скрыться от благодарных родственников ему не удалось. Одна из дочерей Петипа, Вера, вспоминала об отце: “В братьях он развивал честность, мужество, храбрость, учил их плаванию для оказания помощи утопающим (за это сам имел награды), обучал стрельбе в цель, верховой езде и разным другим видам спорта, развивающим ловкость и силу. Отец сам подавал блестящие примеры: так, уже будучи старым и больным, он всегда вставал, когда к нему подходила женщина”.

“Лебединое озеро” оказалось близким Петипа ещё и потому, что водная стихия была ему родной. В соответствии со своими жизненными и творческими

принципами, он решил спасти главных героев. Для этого в финале появился апофеоз, который, к сожалению, не сохранился. Какой он был, можно судить по реакции зрителей. После просмотра одни посчитали, что главные герои попадали в загробный мир и посмертно уплывали в золотой ладье. Другого мнения придерживался Георгий Алексеевич Римский-Корсаков, по отцовской линии – внук композитора, по материнской линии – внук Надежды фон Мекк:

“После мрачных сумерек сцены свидания, бури, борьбы с злым духом, сцена в глубине наполнялась лучезарным светом. Влюблённая пара не погибла от чар волшебства, как у Горского в Москве. Её спасали лебеди и везли в лодке по внезапно успокаивающейся зеркальной поверхности озера, ярко освещённой золотистым, желто-розовым светом восходящего солнца”.

В любом случае напрашивается параллель с христианской моделью мира: добро бессмертно. Богочеловека погубили, но Он воскрес. “Лебединое озеро” стало главным балетным мифом. При всём уважении ко Льву Иванову, творцу лебединых сцен балета, общий замысел принадлежал Мариусу Пети-па, который выступил в роли мифотворца. Его концепция такова: зло не должно торжествовать над добром.

Жил-был у озера серенький козлик

Слышал когда-то по “Голосу партнёра” (иронизирую: у нас что США, что НАТО, – “партнёры”) рассуждения о том, что, мол, они на Западе лучше понимают тайный замысел Чайковского, что постановка британского хореографа Мэтью Борна, где лебеди – мужчины, и есть настоящее “Лебединое озеро”. Может, в британском бомонде “голубизной”, перекрасившейся ныне в радужность, и принято гордиться. Но Пётр Ильич был не английский аристократ, а русский интеллигент: следовательно, человек совестливый и с нравственным чувством.

Композитор обожал свою рано умершую мать. 23 ноября / 5 декабря 1877 года он писал фон Мекк из Вены: “Я, несмотря на победоносную силу моих убеждений, никогда не помирюсь с мыслью, что моя мать, которую я так любил и которая была таким прекрасным человеком, исчезла навсегда и что уж никогда мне не придётся сказать ей, что и после двадцати трёх лет разлуки я всё так же люблю её... Мать моя скончалась в 1854 году от холеры. Она была превосходная, умная и страстно любившая своих детей женщина”.

Свою любовь к родительнице Пётр Ильич излил в музыку. Если в личной жизни он, возможно, и был грешен, то в творчестве – бескомпромиссен. Художественный мир Чайковского наполнен стихией женственности вплоть до матриархальности. Особенно ярко это выразилась в балетах. В первой постановке “Щелкунчика” герои попадали в царство феи Драже. В “Спящей красавице” миром управляют волшебницы: добрая и злая. В “Лебедином озере” Зигфрид, прежде всего, сын своей матери, Владетельной принцессы (отец принца не упомянут), и стремится к высшему проявлению женственности – Одетте.

Чайковский смолоду был балетоманом. Модест Ильич писал о старшем брате: “В балете его главным образом пленяла фантастическая сторона, и балетов без превращений и полётов он не любил. От частых посещений он приобрёл, однако, понимание в технике танцевального искусства и ценил “баллон”, “элевацию”, “твёрдость носка” и прочие премудрости. Выше всех балерин он ставил Феррарис. Больше всех балетов нравился ему, как, впрочем, и массе, “Жизель”, этот перл поэзии, музыки и хореографии”.

Сочиняя музыку для лебедей, Чайковский явно держал в уме виллис – девушек-призраков из “Жизели”. Восхищаясь Эммой Лагруа и Дезире Арто как певицами и Амалией Феррарис как балериной, он создавал в операх партии Татьяны, Лизы, Иоланты, а в балетах – Одетты, Одиллии, феи Сирени, Авроры – для женщин. Хотя в дневниках Чайковский мог резко отозваться о коллегах (как, впрочем, и о себе самом), ему был чужд открытый этический и эстетический эпатаж.

Одна моя знакомая, посмотрев постановку Борна, назвала обитателей его балета “рассвирепевшими гусаками”. На историко-культурологический взгляд, там нет даже гусей: такими в античности изображали сатиров, а в средневековье – чертей. Фигуранты балета скачут, подобно козлам. Пусть бы сэр Мэтью (характерно, что не обожаемая англичанами Елизавета II, а её сын, непопулярный принц Чарльз посвятил балетмейстера в рыцари)

заказал либреттисту и композитору балет “Козлиное озеро” и сочинял к нему какую угодно хореографию. Обращение с шедевром Чайковского, которое позволил себе Борн, можно сравнить со сливанием канализации в озеро русской культуры.

“На что он руку поднимал...”

В “Лебедином озере” отражается душа России, поэтому оно вызывает бешеную ненависть у обладателей грязных душ. В 1991 году, из мести классическому шедевру, по нашему стремительно демократизировавшемуся телевидению показали шокирующий фильм-балет “Лебединое озеро” в постановке шведского хореографа-постмодерниста Матса Эка. После этого в журнале “Балет” № 4 за 1992 год выступила педагог Академии русского балета имени А. Я. Вагановой Татьяна Шмырова. Статья стала для неё лебединой песней (фамилия автора была окружена чёрной рамкой). Возможно, не последнюю роль в этом сыграло иностранное “вытворение”.

“Матс Эк полностью разрушил гуманистический замысел сочинения, растоптал его нравственную идею. И чем дальше смотришь балет, тем всё острее поднимается в тебе чувство протеста: при чём здесь гениальная музыка Чайковского? Её больно слушать, глядя на это хаотическое уродливое зрелище. Страшные фигуры, кто в пачках, кто в купальниках, все лысые (это парики), непонятно, кто они – мужчины или женщины, судорожно и уродливо кривляясь, носятся по сцене. Одни безобразные, грубые, антиэстетичные позы сменяются другими. Уже после того как я посмотрела этот фильм, мне попался в руки журнал *Le soisons de la Danse* (“Танцевальные сезоны”), где опубликована статья, посвящённая этой постановке. Там я прочла весьма мудрую мысль: “Классический танец легко пародировать, и шутовство не требует больших затрат”. Тот, кто любит шутить, пусть шутит; тот, кто хочет пародировать, пусть пародирует. Но уважайте память великих художников и не глумитесь над тем, что ими создано, – ведь пока что никто из “нынешних” не превзошёл ни Чайковского, ни Петипа, ни Иванова. Рождённые ими шедевры нетленны и никакой моде неподвластны. “Лебединое озеро” – это гимн красоте, поэзии, добру, это символ русской души, русского балета, и как же надо ненавидеть нашу национальную святыню или настолько не понимать её истинной ценности, чтобы осмелиться поднять на него руку”.

И ведь нашёлся “балетоман”, изыскавший шведское болото, и его не постеснялись вставить в программу. Но что характерно: у постановки Матса Эка нашлись поклонники. Свой уровень они, не стесняясь, продемонстрировали в интернете:

“Скажу прямо – балет не люблю, а тут впервые получил настоящее удовольствие. Спасибо!” “Отторжения не было... Было ???, потом Вау!, затем Оо) кароч, реакция была) тока пока не поняла, какая...”. “Не поняла только зачем он мужиков в женские пачки нарядил? Одеть их в мужские костюмы было бы логичнее, а так получается какое-то шоу трансвеститов. В остальном прикольноенько :-)”.

Сегодня “прикольноенько” устраивать шоу – кто быстрее доплывет до конца длинной канавы, заполненной грязью. Кто хочет купаться в грязи, пусть купается, только не приравнивает это к синхронному плаванию. Кому неохота пить из “Лебединого озера” – пусть лакает из “Змеинового болотца”. Но человеку, знакомому с русскими сказками, не придёт в голову такая идея: змеёночком станешь.

Альтернативные лица

Классический балет – для любви, а не для ненависти. Нужно сильно постараться, чтобы во время его просмотра у зрителя возникли отрицательные эмоции. А некоторые очень стараются. Успех “альтернативному искусству” приносит в немалой степени то, что большинство зрителей и слушателей под гипнозом толерантности боятся выразить своё неприятие даже в мыслях. У нас сегодня аплодируют чему угодно. Что это – безвкусица, “всемирная отзывчивость” или, используя выражение советской эпохи, “моральная неустойчивость”? В 2013 году ещё один швед, Фредрик Ридман, привёз в Россию шоу *Swan Lake. Reloaded*: “Лебединое озеро. Перезагрузка”. С точки зрения

хореографии, произведение слабое. Из скандинавских стран главной балетной державой была и осталась Дания, где хранят традиции великого балетмейстера Августа Бурнонвила и поражавшей безупречной техникой балерины Люсиль Гран. Прославленная Мария Тальони, впервые затанцевавшая на пуантах (на кончики пальцев вставляли и до неё) была шведкой по матери, но в наше время Швеция стала лидером в области танцевального авангарда и сексуальной революции. В итоге Злой гений переквалифицировался в хозяина борделя, где работают наркоманки, тянущие корявые, не похожие на крылья руки за очередной дозой. Главную диву заведения (аналог Одетты) бордельер хореографически насилует (па-де-де по-шведски). Теоретически можно осовременить коллизии “Озера”: ведь девушки-лебеди и в классическом варианте – заколдованные пленницы. Но важно, возвышает ли и очищает спектакль душу, вызывает ли он “чувства добрые”. В одной из компьютерных игр есть два варианта действий: 1) освободить связанную девушку; 2) “поиграть” с ней. Г-ну Ридману ясно: надо “поиграть”. А это вариант злой, садистский.

Один из участников спектакля поведал российской прессе: “Я даже немного боялся ехать сюда. Думал – вдруг люди будут бросать помидорами, кричать “буу”, потому что мы, конечно, много здесь поменяли. И я знаю, как “Лебединое озеро” много значит для вас, ребята”. Ничего, “новые русские ребята” вежливо хлопали немощными ладошками. Наиболее смелые зрители отважились лишь на то, чтобы мирно подняться и культурно уйти. А ведь шоу было сродни оскорблению флага, за что наши футбольные фанаты в Марселе били английских коллег по мор., *sorry*, по их альтернативным лицам.

“Сатана там правит бал...”

В 2010 году на экраны вышел фильм, в сравнении с которым “Собака Баскервилей” Игоря Масленникова выглядит старой доброй сказкой. Это “Чёрный лебедь” Даррена Аронофски, в главной женской роли Натали Портман. Балерина из неё аховая. Такой она показалась и многим зрителям, но в противоположном смысле: “Ах, какое кино, ах, какая исполнительница!” Зато любители и профессионалы балета морщились. Отзываясь о фильме, 1-я солистка Большого театра Анна Тихомирова употребила слово “пошлятина”. Олег Виноградов, в прошлом главный балетмейстер Мариинского и Михайловского театров, высказался ещё хлеще: “Совершенно отвратительный фильм, вот этот “Чёрный лебедь”, который получил все мыслимые и немыслимые премии и после просмотра которого хочется смыть с себя грязь. Это жуть, это патология, это искажение всей природы, поэтики балета”.

Сюжет таков. В американском балетном театре ставят “Лебединое озеро”. Главная героиня, Нина, естественна в роли белого лебедя: она нежна, трогательна – и в этом образе, и по своей сути. А в роли чёрного лебедя смотрится ненатурально. Балетмейстер считает, что Одиллия – вместилище порока. Чтобы выглядеть в этой роли правдиво, девушка окунается в мир реального зла. Кончается это распадом личности, безумием и смертью: на сцене и в реальности.

Классический танец, при всей его телесности, – искусство какое-то нездешнее, неземное. Другая осанка, походка, моторика. Это вызывает у многих настороженное, даже неприязненное отношение. Мейерхольд, откликаясь на статью в “Правде”, негодовал: “Статья “Балетная фальшь” неправильно названа – надо назвать её “Балет-фальшь”. Это фальшивое искусство...” Российский режиссёр считал, что только его творчество несёт миру правду. Что ж, балет действительно выглядит странно, даже чужеродно в мире, где дисгармония считается ближе к жизни, чем гармония. Американскому режиссёру показалось мало продемонстрировать балет как неестественное искусство, он постарался представить его миром, где царит зло.

Зло, таящееся в искусстве, – нередкая тема, сказки могут быть и страшные. Главное – для чего они создаются. У Гоголя в “Портрете” художник пишет картину, которая несёт в себе злое, адское начало. Живописец осознаёт свою ошибку и дальнейшим творчеством несёт в мир одно лишь добро. Часто спрашивают: что есть добро, что зло? Думается, добро связано с добротой, зло – со злобой. В “Чёрном лебедь” идёт смакование зла. Не только лицо героини Портман искажается злобой, она совершает – в своей душе и в реальности – злые поступки. Чего стоит одно то, что девушка садистски

ломает пальцы родной матери. Это принципиальное, нарочитое нарушение заповеди “Чти отца твоего и мать твою”. Кто-то считает, что мать Нины мешает дочери совершенствоваться. Но мы-то видим, как дочурка “совершенствуется”, какого “идеала” достигает. Кому-то и это нравится. Значит, души таких людей отравлены.

Смысл фильма в том, что ради совершенства надо разрушить и душу, и тело. Идея, говоря религиозным языком, сатанинская. Недаром в христианстве дьявола называют “враг рода человеческого”: потому что его задача — уничтожать людей духовно и физически. Говорят, не надо осуждать. Но различать-то надо: добро и зло, красоту и уродство. “Чёрный лебедь” — яд для озера души.

“В поступи явно сказалась богиня”

Впервые я окунулся в “Лебединое озеро” семилетним ребёнком, когда мама привела меня на спектакль Большого театра. Главным впечатлением было то, что во время бури рушилась башня старинного замка на берегу. Какое же меня ждало разочарование при втором погружении в “Озеро”! Декорации сменили, рушиться было нечему.

Много лет спустя я узнал, что юный Станиславский воспринимал музыкальный театр точно так же: “Балетный сюжет, сказку, романтическую фабулу я любил. Хороши и превращения, разрушения, извержения: музыка гремит, что-то валится, трещит... Самое скучное и ненужное в балете, по моим тогдашним взглядам, были танцы. Балерины становятся в позу для начала своего номера, и мне делается скучно”.

Константин Сергеевич описал типично мальчишескую психологию восприятия балета: мальчиков привлекает бой, оружие. У девочек по-другому: они обожают танцевать, играют в “дочки-матери” и мечтают о любви. Гувернантка Станиславского, тогда ещё купеческого сына Кости Алексеева, ставила для детей балет “Наяда и рыбак”. А мальчик стеснялся: “Там приходилось представлять любовь, надо было целоваться, и мне было стыдно. Лучше кого-нибудь убивать, спасать, приговаривать к смерти, миловать”.

Теперь выше любого технического устройства ставлю балетную технику, которая сама по себе способна вдохновлять, потому что изначально возвышенна. Удивительное, нечеловеческое искусство, сверхчеловеческое, божественное. Балерину узнают по осанке, по походке. Ещё в античную эпоху было сказано: *Et vera incessu patuit dea* — “В поступи явно сказалась богиня”. Если пристально взглядеться, можно увидеть, как по глади лебединого озера лёгкой балетной поступью движется спасительница души, утопающей в грубых страстях.

Одетта, как и жена Цезаря, выше подозрений. А как быть с Одиллией? По либретто, она — дочь Злого гения, следовательно, демоница, ведьма. Хотя греческое слово *δαιμόνιον* (“даймонион”) означает божество, пусть и не самого высокого ранга. “Ведьма” — от славянского “ведать”, то есть “знать”.

Петипа старался идти не от литературы, а от хореографии. Он считал, что танцы в балете важнее музыки, даже гениальной: “Балет “Лебединое озеро” был впервые поставлен в Москве и никакого успеха там не имел. Узнав об этом, я поехал к директору (Ивану Александровичу Всеволожскому, тогдашнему директору Императорских театров. — С. М.) и сказал ему, что не могу допустить, чтоб музыка Чайковского была плоха, чтоб его произведение не имело никакого успеха; не в музыке, должно быть, дело, а в постановке балета, в танцах. Я просил директора разрешить мне воспользоваться произведением Чайковского и, используя сюжет по-своему, поставить балет в Петербурге”.

Но сначала балетмейстер поставил “Спящую красавицу”, при создании которой Пётр Ильич сочинял музыку под диктовку Мариуса Ивановича. Балетмейстер Джордж Баланчин заметил: “Сюжет, в конце концов, и в “Спящей красавице” не важен, а важны танцы Петипа”. И эти танцы выражают балетное мировоззрение маэстро. Злая фея Карабос у Петипа не танцует классику. Аналогично в “Лебедином озере” Мариус Петипа и Лев Иванов лишили Злого гения права на классический танец: тем, более, на па-де-де. Ротбарт затанцевал в следующих редакциях балета, но и там хореографически он выглядит не так впечатляюще, как Зигфрид. Зато как танцует Одиллия!

Бесподобно, а не бесоподобно

Зигфрид исполняет с Одеттой только белое адажио. Полное па-де-де – выход-антре, адажио, женская и мужская вариации, совместная кода – с Одиллией. Может, она и есть главная героиня? Обычно Одиллию трактуют как тёмную сторону женской души или как образ любви земной, которая враждебна любви небесной. Своего апогея эта интерпретация достигла в оскароноснопатологическом “Чёрном лебеде”, вызвавшем оторопь у российских балетоманов, – и тем самым заставила задуматься: такова ли Одиллия? Невозможно поверить, что галантный Петипа, призванием которого были женские партии, создавал партию мегеры, распутницы, вампирши. Одиллия танцует танец так же прекрасно, как Одетта, но при этом более виртуозно. И именно она исполняет знаменитые 32 фуэте. Это абсолютный танец, мечта *prima ballerina assoluta* – земной богини, воплощения богини небесной. Одиллия танцует не *бесоподобно*, а *бесподобно*, божественно. “Лебединое озеро” – идеальный балет, требующий идеальной балерины, которая создаёт образ идеальной женщины. Нельзя отдавать Одиллию силам зла. И нельзя отдавать им фуэте.

Романтический балет любил ночь с её таинственными призраками и волшебными девами. Белая Одетта в “Лебедином озере” – свет в ночи, чёрная Одиллия – богиня ночи при свете дня. Но именно звёздной ночью человеку открывается бесконечное величие мироздания, от которого невозможно оторвать глаз. На что похожа наша галактика – Млечный Путь? На сверкающую ажурную пачку балерины, мощно и плавно кружащейся в бесконечных фуэте.

В 2001 году Юрий Григорович ввёл в спектакль трагический конец, подосознательно выразив этим мрак лихих 90-х, когда казалось, что свет в России погас надолго, если не навсегда. Но советский финал “Лебединого озера”, когда главные герои оставались в живых, больше подходит к потаённой идее балета, которая вначале была не вполне ясной и с каждой редакцией становилась всё отчетливее. Эта идея заключается в том, что не Зигфрид пытается спасти Одетту, а она спасает принца. Особенно наглядно это выражено в постановке Юрия Григоровича 1969 года. В течение десятилетий Зигфрид кончал с Ротбартом вполне реально: отрывал ему крыло. У Григоровича Одетта заслоняет принца от Злого гения – и тот разбивается о белую лебединую грудь. Смертельно раненный, доползает до скалы и там испускает дух. Именно эту версию показывали по телевидению 19 августа 1991 года.

Переворот

Переворот в системе ценностей привёл к тому, что люди потеряли ориентиры. А новая эстетика, провозглашавшая, что будто бы нет ни высокого, ни глубокого, ни гор, ни озёр, и принципиальный отказ от “очистных сооружений” в области искусства привели к торжеству дурно пахнущего болота. В августе 1991 года защитники Белого Дома думали, что их победа станет торжеством свободы, которую они считали панацеей от всех бед. После победы над “путчистами” стало возможным *свободно* спускать нечистоты в лебединые озера – в прямом и переносном смысле. Хотя бороться с врагом, отравляя водоёмы, – последнее дело. Тогда и разразилась экологическая катастрофа: замутились чистые родники красоты, добра, любви, а Царевну Лебедь сменили уточки-проституточки. Телеэкраны заполнились самыми низкопробными действиями – как зарубежными, так и отечественными.

Не открою Америку, если скажу: существует прямая связь между смутными временами и замутившимися озерами душ. Кстати об Америке. В 2011 году по каналу “Культура” показали “Лебединое озеро” в постановке Американского театра балета (фильм 2005 года, художественный руководитель театра и постановщик спектакля – Кевин Маккензи). Предваряя просмотр, Николай Цискаридзе обратил внимание зрителей на то, что Злой гений исполняет на балу... русский танец. Действительно: артист, игравший роль Ротбарта, оболстительно улыбаясь, танцевал под эту пленительную мелодию. Что явно символизировало лидера России, старающегося выставить себя в выгодном свете перед представленными на сцене европейцами – немцами, поляками, венграми, испанцами, итальянцами (читай “Евросоюзом”). Хореограф посчитал себя ужасно остроумным, показав пальцем: *This is Mr. Putin*, – не поняв, что опустился на дно Гримпенской трясины дурновкусия. И ведь наверняка

постановщика не приглашали ни в ФБР, ни в ЦРУ, он действовал в духе “свободы”. До чего же это мелко, ничтожно и, в конечном счёте, бездарно! А мы-то по традиции (у нас же традиционное общество) привыкли считать, что высокое искусство должно сближать народы – не ссорить их между собой. Очевидно, следующим шагом станет “Спящая красавица”, где на принцессе Авроре окажется венец статуи Свободы, а на злой фее Карабос – русский кокошник.

Сегодня много говорят об экологии, загрязнении среды обитания. Но разве в порядке экология души? И если с теми, кто уничтожает природу, более или менее ясно, то осквернителей душ предпочитают осторожно называть “представителями иной культуры”. И что-то не слышно сегодня о международной конвенции, осуждающей осквернение духовных родников “инокультурянами”.

Главные партии России

Знаменем культуры новой России стал “Чёрный квадрат” Малевича, а не Одетта, в одночасье ставшая одиозной вместе с примкнувшей к ней Одиллией. При упоминании “проштрафившегося” балета втягивают голову в узкие плечи и опасливо оглядываются по сторонам: того и гляди, прослывёшь сторонником “путчистов”. Когда-то защитникам Байкала во главе с Валентином Распутиным пришлось немало потрудиться над изменением экологического сознания соотечественников, пока те не поняли: чистейшая на планете вода важнее самой качественной целлюлозы, которую можно с помощью этой воды выработать. Скоро ли у нас поймут, что чистота “Лебединого озера” важнее политических баталий, которым уделяется нынче несоизмеримо больше внимания, чем высокой культуре?

Заросла народная тропа к “Озеру”, спустили в него реки нечистот. У Мэтью Борна и Матса Эка лебеди похожи на бесов – это свидетельствует о том, что на Западе сильно монструозное мышление. Национальный жанр в Англии и Америке – карикатура. В России балетные лебеди напоминают ангелов, их головные уборы похожи на нимбы. Впрочем, в России, по книге Джеймса Биллингтона, властвует не только икона, но и топор. “Что написано пером, не вырубишь топором”. А вырубить пытаются. “Лебединое озеро” долго было у нас культовым. Не могло прийти в голову, что грянет час – и многие отпрянут от него. В 1991 году “Озеро” стало проверкой, искушением, испытанием. И подобно принцу, большинство россиян этого испытания не выдержали. Выбিরали не между Одеттой и Одиллией, а между лебедями и куриными окорочками, между Чайковским и “Звуками Му”, “Звуками Ме”, “Звуками Бе-е-е”, между культурой и хамством. И выбрали: кажется, не было в 1990-х такой грязной лужи, в которую бы у нас с готовностью не окунулись. Любое болото, только не озеро, любые монстры, только не балерины! После измены великому балету ещё надеялись, что в России появится чудесное государство, подобное тому, которое получил Гвидон за спасение Царевны Лебедь! Хотели “Россию, которую потеряли”, а получили, которую заслужили.

У императрицы Елизаветы Петровны был особый камердинер. Когда ночью её мучили кошмары, слуга должен был войти в опочивальню, положить царице руку на пылающий лоб и тихо сказать: “Лебедь белая”. И, словно по волшебству, страшные сновидения уходили. Наша жизнь очистится от кошмаров только тогда, когда люди научатся беречь озера своих душ, а озеро души России сделают заповедным. Когда на вопрос, какой партии вы симпатизируете, юноша твёрдо ответит: “Партии принца из “Лебединого озера”, а девушка с мечтательной улыбкой скажет: “Партии царицы лебедей”.

Сколько бы ни носились у нас с футболом, России не быть великой футбольной державой. Балетной – быть. Главное – оставаться “впереди планеты всей в области балета”...